

УДК 338.242.4:630.90

Т. В. Каштелян

Белорусский государственный технологический университет

**РЕНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕСНОМ ХОЗЯЙСТВЕ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА**

Автором проанализированы публикации, посвященные проблемам экономической деятельности отраслей лесного хозяйства и лесной промышленности, включающие взгляды на рентные отношения. Рассмотрена сущность категории «рента». В рамках обозначенных направлений исследования (рентной идентификации и типизации) на примере лесозаготовительных отношений предпринимается попытка авторского обобщения и спецификации лесной ренты по формам деятельности.

Раскрывается эволюция и институционализация процессов рентообразования. Обосновывается потребность применения институциональной рентной парадигмы в системе воспроизводственных процессов лесного сектора Беларуси. В статье показано, что функционирование отраслей на современном этапе развития осуществляется в рамках субъективированных ценностей.

Рентная составляющая институциональных отношений отечественного лесопромышленного комплекса рассматривается в качестве инструмента модернизационных мероприятий. С позиций рентообразования и соответствующих транзакционных издержек данного процесса, институционального оформления обосновываются черты отраслевого инновационного развития.

Ключевые слова: институциональные преобразования, инновационное развитие, атрибутивный уровень, институт государственного управления, экономическая координация, цивилизационная устойчивость, инновации.

T. V. Kashtelyan

Belarusian State Technological University

RENTAL RELATIONS IN FORESTRY: INSTITUTIONAL POSITIONS

The essence of the category “rent” is considered in the article. The author analyzes the publications devoted to the problems of economic activity of forestry and forest industries, including views on rental relations.

An attempt of the author’s generalization and specification of forest rents by forms of activity is made within the framework of the indicated research areas (rental identification and typification) on the example of forestry relations.

The institutionalization and evolution of the processes of rent formation are revealed. The need for an institutional rental paradigm in the system of reproduction processes in the forest sector of Belarus is justified. The article shows that the functioning of branches at the present stage of development is carried out within the framework of subjective values.

The rental component of the institutional relations of the native timber industry complex is indicated, which, given the transaction costs, should be considered as a tool for modernization measures. The need for innovative development is justified from the standpoint of rent formation and its institutional design.

Key words: institutional transformations, innovative development, attributive aspect, institute of state administration, economic coordination, civilizational sustainability, innovations.

Введение. В настоящее время вопросы о хозяйствовании на основе рентных отношений являются одними из самых дискуссионных, сложных, трудно и неоднозначно интерпретируемых. Рента вообще – одна из «долгоживущих» категорий, которая может в некоторых своих смыслах опережать свое время (особенно в аспектах политических, поскольку сегодня выделяют категории рент, связанных с присвоением должностных функций, статусов и т. п.), а может нисходить к достаточно ограниченному применению. Однако к настоящему моменту времени в научной среде под рентой

понимают чуть ли не два десятка различных дефиниций, которые составляют значительный информационный материал для размышлений.

Основная часть. Рента как экономическая категория происходит от слов «доход», «пенсия» (в переводе с немецкого языка), от «отдавать» и «возвращать» (в переводе со старого английского) [1]. В различные периоды развития экономики закладывались разные предпосылки создания рентных отношений. Каждый этап в истории экономических отношений олицетворял их становление и развитие с применяемыми средствами, методами и критериями

управления. На наш взгляд, ключевые проблемы каждого из периодов можно проследить с помощью институционализации рентных отношений. Рента анализируется на феноменологическом уровне [2], но и попытки ее точных расчетов также предпринимаются.

Эпицентром проблем рентного характера (профиля, формата, подхода) является накопительно-распределительная система. Попросту говоря, функционально-ролевое появление и дальнейшее распределение ренты (общественное разделение сфер ее аккумуляции и использования) – это институциональный аспект экономических отношений любого общества.

Для описания и раскрытия сущности ренты вводятся некоторые понятия и определения, по существу оказывающие влияние на разработку и принятие управленческих решений. Так, рента создается совокупностью ресурсов. Создателями ренты в системах природных комплексов являются в первую очередь «силы природы», работники, другой капитал (функционирующий наряду с природным). Парадокс состоит в том, что без участия человека, без усилий в рамках определенных институциональных единиц «силы природы» практически не идентифицируются. В макроисторическом масштабе степень «расточительства» природных ресурсов определяет человек, выстраивающий различные модели поведения, включая инновационное (ресурсосберегающее, малоотходное) развитие.

В практике функционирования лесного комплекса выделено достаточно категорий, которые отражают процессы функционирования лесных ресурсов (в первую очередь древесных) в производстве и обозначают роль их в естественно-исторических условиях общества. Ряд экономистов считают ренту платой за пользование лесными ресурсами [3]. Подтверждением является институционализация рентных практик в России. Ранее ставки ренты (попенной платы), а теперь «лесных податей должны содержать только избыточный чистый доход лесопользователя» [3], то есть тот доход, который он получает сверх нормальной прибыли в результате заготовки и реализации продукции.

Рентная составляющая как базовый элемент стоимости древесных ресурсов анализируется в статье Р. Р. Яруллина и Ю. В. Путятинской [4]. Интересен опыт, который описали указанные авторы при применении на практике Методических рекомендаций по расчету минимальных ставок лесных податей в России. По существу он позволил лесопользователям (арендаторам) так рассчитывать затраты по рентообразующим факторам, что все свидетельствовало «о полной убыточности лесозаготовительных предприятий и позволяло снижать ставки до минимума,

сводя их к нулю» [4]. Однако корректирующие меры властных структур не заставили себя долго ждать, и налоговый характер изъятия ренты возобладал вопреки плановым расчетам предприятий убыточности и финансовой несостоятельности.

Для рентных отношений как таковых в лесном секторе имеются определенные основания. С. В. Починков указывает, что рента – это понятие географическое, основанное на остаточной стоимости, которую собственник вправе присваивать полностью или частично [5]. В связи с тем, что средства в развитие дорожной сети для осуществления лесозаготовок, а также на другие производственные цели вкладываются ограниченно, по словам указанного автора, приходится констатировать так называемую «ничтожность» лесной ренты.

Опора рентных отношений лесопромышленного комплекса, во-первых, кроется в спецификации прав собственности (и рента здесь часто де-факто просто часть добавленной стоимости, которая изымается в бюджет государства, доля так называемых государственных «притязаний» к субъекту предпринимательства, который эксплуатирует ресурсы, находящиеся не в его собственности). Во-вторых, рента обусловлена дифференциацией факторов, она связана с рентообразующими факторами – к примеру, для лесопромышленных компаний, породно-возрастным составом древостоев, дорожно-транспортным сообщением и др.

Возникает вопрос так называемой рентной идентификации. Ответом на него являются два предположения. Первое – заключается в улавливании «сил природы» на «входе» производственной системы. Тогда рента (применительно к лесопромышленному комплексу) – это цена древесного ресурса, который не тронут рукой человека, но для того чтобы его вырастить и сохранить, прилагается немало усилий. Второе – кроется в проявлении законов стоимости уже «на выходе», в рамках заготовительно-перерабатывающей деятельности, где идентификация рентных факторов возможна, но не обязательна. Во втором случае рентный доход рассматривается в рамках «сверхприбыльной» концепции, является преимущественно предпринимательской прибылью, которая получается сверх определенного норматива.

В последней указанной концепции фигурируют два основных участника: 1) фирма, которая выводит на рынок рентный ресурс; 2) компания, осуществляющая рентообразование (вторично к «силам природы»), в котором присутствует природно-климатическое, почвенно-грунтовое, дорожно-транспортное, сезонное и другое дифференцирование. Широкий спектр

указанных факторов закладывает проблемы выделения различных функционалов, разнонаправленных рентных отношений, как в моделях формирования стоимости лесопродукции, так и распределения и перераспределения отдельных ее составляющих де-факто.

При определении рентного дохода для субъекта предпринимательской деятельности часто приходится абстрагироваться от разграничений на различные факторные величины (на абсолютную, дифференциальную ренту I и II рода). К необходимости пересмотра некоторых факторов подталкивает и белорусская практика ценообразования, которая не позволяет лесозаготовителю за счет экономии попенной платы возмещать затраты по лесоснабжению при продаже древесины, купленной в рамках определенного (значительно удаленного) лесотаксового пояса по сравнению с «близким» ресурсом. Данный факт переводит проблему ценовых дифференциаций в сферу интересов конкретных институтов рентных отношений, делает ренту потенциальным объектом сложившихся управленческих технологий.

Рента, созданная при помощи «сил природы», испытывает на себе не столько доминирование образованной добавленной стоимости, сколько еще и распределенной. Именно в сфере распределения кроется так называемая «собственническая» функция ресурсов. На вышеуказанном примере, выделенном российскими экономистами [4], без вовлечения в широкий перечень факторов образования ренты видно, что рациональная «дозировка» ренты в качестве пассивной составляющей деятельности лесозаготовительных организаций заключается преимущественно в налоговых функциях. Рента активная (попенная плата лесопользователей) потенциально выступает предиктором выравнивания условий хозяйствования лесозаготовительно-снабжающих организаций (в соответствии с выделенными путями ее доставки к потребителям). Пассивная рента есть оплата или вознаграждение собственнику капитала за предоставленную возможность доступа к ресурсу. Однако этой функцией не ограничивается государство как субъект лесных отношений. Что значит предоставить доступ к ресурсу? Это значит действовать исходя из дальновидной политики сохранения, воспроизводства, приращения ресурсов.

Лесная рента имеет двухслойный характер. Первый слой связан с так называемым фоновым или, лучше сказать, инфраструктурным аспектом деятельности комплекса лесных ресурсов. Он характеризуется функциями затрат экологической направленности. Ведь на каждую дополнительную единицу результата «сил природы»

требуется в современных условиях как возрастающее количество затрат по восстановлению, так по недопущению ущерба, наносимых при добыче, переработке и потреблении природных ресурсов, включая лесные. Второй слой – добавленная стоимость производственного («прорывного», лучше сказать инновационного) характера. Она основана на инновационно-инвестиционной деятельности, которая приводит к увеличению темпов экономического развития, доходов и потребления населения.

Рента активная – это сверхдоходность, созданная в рамках выполнения пользовательских функций, т. е. непосредственным организатором производства. Пассивная рента как опосредует появление активности, так и является одним из условий, предоставляющих возможности зарабатывания денежных средств на природовосстановление и природосбережение. По сути пассивная рента есть та часть ресурсной оценки, которая зависит от активной функции предпринимателей, пришедших в сферу бизнеса. Пассивную ренту можно было бы назвать просто налогом. Однако контроль над ресурсами, который функционирует через выполнение определенных функций государством, является достаточно затратной статьей. Поэтому пассивная рента в рамках неделимых субъектов («охранных и заготовительных» лесхозов) есть средства, целевым назначением которых является дальнейшее потребление их на «учреждение» ресурсной собственности. Особенно это актуально в связи с наличием налога на добавленную стоимость, который изымается у лесозаготовительных субъектов при продаже древесного сырья потребителям.

Выдвинутая концепция «двухслойной» рентной типизации исходит из принципа дифференциации по формам деятельности субъектов лесозаготовительных отношений. «Фоновая», пассивная рента лесных отраслей идентифицируется в рамках эффективного управления собственностью, когда государство предоставляет в пользование ресурсы таким образом, чтобы рента (полученная в виде попенной платы) покрывала затраты, осуществляемые в связи с охраной, воспроизводством ресурсов, строительством дорожной сети. В развитых странах имеются такие практики, а крупные компании лесоснабжение осуществляют совместно с лесовосстановлением. Предполагается, что затраты на лесовосстановительные работы включаются в состав текущих затрат лесоснабжающих организаций. Активная рента есть катализатор пассивной ренты. Она же – дифференцирующая составляющая в составе прибавочной стоимости.

Любые рентные отношения являются институционально обусловленными. К институциона-

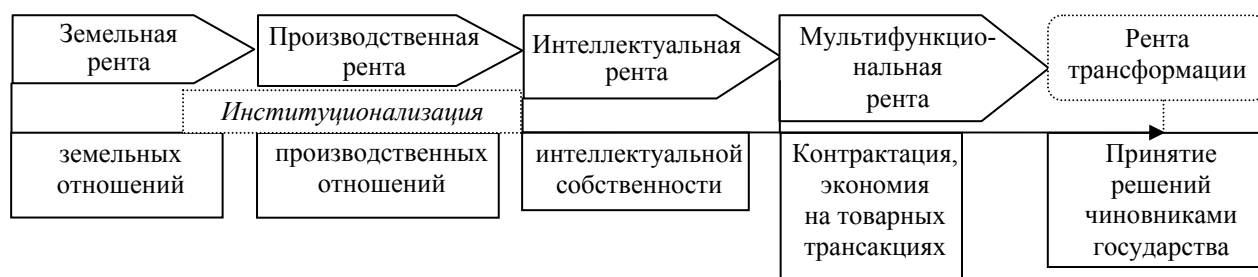
лизированным практикам рентных отношений в Беларуси можно отнести отношения по поводу закупки древесины на корню. Заметим, что феномен рентных отношений как таковой определяется спецификой воспроизводственного движения рентных доходов, их проникновением во все сферы хозяйственной жизни. Как справедливо отмечено В. А. Мещеровым, рентные отношения оказывают «глубинное воздействие ... на интенсивность развития отраслей мировой экономики и всего в целом воспроизводственного процесса в мировом хозяйстве» [5].

Общая схема эволюции рентных отношений может быть представлена следующим образом (рисунок). Первый этап – это классика политической экономии, выход на теорию трудовой стоимости. Далее, по словам А. В. Мещерова, в теории рентиобразования просматривается «кооперативный характер функционирования экономики» [6]. Дифференциальная рента выступает в виде избытка рыночной стоимости над действительной. Нам она представляется преимущественно в качестве производственной. Этап производственной ренты есть уже сложившийся институт рентных отношений, он характеризуется появлением системных структур, основным назначением которых является извлечение ренты [6].

Разнообразие рентных ресурсов всегда дополняется человеческим фактором, который, исходя из институциональных условий улучшения использования интеллектуального капитала и внутренних паттернов обеспечения материального достатка, умножает количество и качество дифференцирующих факторов. Именно когда рентные доходы устремились в сферу оплаты интеллектуальной компоненты хозяйственной деятельности, ситуация с рентой как бы возвращается в обычное мультифункциональное русло, но на данном уровне царят отношения разнообразных ценностей, полезностей. В результате данной «спирали» экономических отношений меняется содержание институтов. Появляется так называемая и экологическая, и ин-

ституциональная рента. Экологическая рента связана с поиском наиболее эффективных подходов и методов решения проблем увеличения трансакционных издержек, включая природоохранные. Не углубляясь в разделение экологической ренты на ренту I и II рода, отметим, что проблема научно-обоснованного выделения рентных факторов интенсивно «перешагнула» границы производственных систем и углубилась в коррелирование институциональных ценностей. Изменились факторы и условия генерации и присвоения ренты [7], а пассивная форма деятельности (отношения рентиоискательства и присвоения) стала классифицироваться как в качестве инструментария развития, так и в свете демотивирующих экономических факторов [8], неформальных институтов, вызывающих асимметрию обменных процессов, нарушения в действии закона стоимости. Типологию рентных доходов можно объяснить субъективированными ценностями оценками. Многие авторы работ по ренте сегодня констатируют «работу» финансовой экономики, которая значительно способствует функционированию рентных ресурсов. В частности, А. В. Мещеров, объясняя наличие рентных ресурсов в производственной системе США, обращает внимание на институциональную их основу – «институт инвестиционных банков» [6]. Отметим, на мультифункциональном уровне рентиобразования приобщается система регулирующих воздействий государства (и, соответственно, за счет функционирования трансакционных институциональных издержек порождаются эффекты целостных моделей трансформирования экономических систем). В методологию рентных отношений лесного сектора можно заложить сначала идеи доходности, связанной с производством и реализацией лесопродукции, далее – нематериальных (экологических, интеллектуальных) ресурсов, и, наконец, мультифункциональное наращивание добавленной стоимости, связанное как с указанными, так и с фиктивными ценностями.

Интерпретация теоретических воззрений на рентные отношения в свете институциональной парадигмы

Эволюция взглядов на рентные отношения

Все многообразие процессов рентообразования, взятое для какой-либо отрасли или комплекса, завершает трансформационное состояние. Существование высокоразвитой и стабильной институциональной среды и структур государства способствует эффективности рынков. Приоритет институционального подхода в решении проблем формирования и извлечения ренты заключается как в обеспечении воспроизводимости ресурсов, так и в инноватизации посредством гибкости самих процессов преобразования институтов.

В своем фундаментальном исследовании [10] А. В. Неверов перспективы рентных отношений, связанных с производством и реализацией лесопродукции, представляет с точки зрения двухфакторного моделирования – экологической и экономической ренты [7]. Идеи институциональной рентной парадигмы [6], на наш взгляд, гармонично дополняют указанную концепцию. В конечном счете лесопользование связано с анализом и нахождением путей правового обеспечения интересов государства и лесопользователей. Поэтому институциональное моделирование отраслевого развития предваряет рентообразование. На уровне национальной статистики стоит определить подходы, касающиеся ясного учета доходности и рентных составляющих лесопромышленного комплекса.

Заключение. Современная система рентных отношений институционализируется через активную (предпринимательскую) деятельность субъектов хозяйствования и пассивное (инфраструктурное) функционирование сопряженных с производственными комплексами институциональных структур. На наш взгляд, целесообразно углублять содержание рентных отношений по трем основным направлениям: 1) производство и реализация продукции; 2) интеллектуальный труд; 3) субъективированные (включая институционально оформленные) ценности.

Рента – результат локализации добавленной стоимости в рамках институциональных форм активной и пассивной деятельности. Она обусловлена ограниченными факторами потребления ресурсов, разделением пучка прав собственности, спросом. Ей присущи ценностно-нормативные критерии, проявления конвергенций (имеется связь различных эффектов). Традиционная сверхдоходная концепция определения ренты подходит больше для выявления активной ренты, в то время как пассивная рента порождается субстанциями институциональных ценностей – экологических, информационных и других. Предназначение активной ренты – найти способы для «генерации» пассивной ренты и дальнейшего ее общественно-полезного предназначения, функционирования моделей производственного развития [9].

Институциональные факторы, связанные с формированием и распределением рентных доходов, должны быть направлены на определение границ, за которыми пассивность ренты будет считаться избыточной, т. е. не представляющей «интереса» для субъектов, которые ее активно генерируют. Такая оценка необходима и для рентных отношений, возникающих в рамках современных практик лесопромышленных производств и лесопользования в целом. Так, инновационный монополизм, который присутствует в сфере инновационного инвестирования в Беларуси (отраслевые инновационные фонды сосредоточены в рамках ГКНТ) с учетом низкой эффективности уже проведенных модернизационных мер на предприятиях лесного сектора, заставляет обратиться к поиску рентопродуктивных институциональных трансформаций и, соответственно, минимизации контрпродуктивной деятельности. Последняя связана с транзакционными издержками, которые «доминируют» над производственными мотивами.

Литература

1. Фокин Н. И. Экономика: в начале было слово. URL: <http://dictionary-economics.ru/word/Рента> (дата обращения: 15.08.2018).
2. Мартыанов В. С. Капитализм, рента и демократия // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9, № 2. С. 51–68.
3. Рудаков М. Н. Рента за пользование лесных ресурсов / М. Н. Рудаков [и др.] // Российское предпринимательство. 2009. № 6 (вып. 1). С. 144–149.
4. Яруллин Р. Р., Путятинская Ю. В. Дискуссионный характер платежей за пользование лесными ресурсами. URL: <http://booksc.org/book/36053858/8c37a6> (дата обращения: 15.08.2018).
5. Починков С. В. Сколько стоят древесные ресурсы леса? // Устойчивое лесопользование. 2003. № 2. С. 8–13.
6. Мещеров А. В. Экономические отношения и институты экономики // Экономическая теория. 2016. № 3. С. 61–65. URL: law-journal.ru/files/pdf/201603/201603_61.p (дата обращения: 15.08.2018).
7. Лемещенко П. С. От стоимости к институциональной ценности // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / пред. редкол. С. Ю. Солодовников. Минск: БНТУ, 2013. Вып. 1. С. 46–67.
8. Чернявский С. В., Чернявский В. С. Абсолютная рента: интерпретация теоретических воззрений // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 3 (35). С. 53–61. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=27126836> (дата обращения: 15.08.2018).

9. Зайцев А. А. Диагностика рентной устойчивости аграрного сектора // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 6. № 1. С. 5–18. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23887323> (дата обращения: 15.08.2018).

10. Лесное управление / А. В. Неверов [и др.]; под общ. ред. А. В. Неверова. Минск: Пачатковая школа, 2014. 400 с.

References

1. Fokin N. I. *Ekonomika: v nachale bylo slovo* [Economy: in the beginning there was a word]. Available at: <http://dictionary-economics.ru/word/Renta> (accessed 15.08.2018).

2. Mart'yanov V. S. Capitalism, Rent and Democracy. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Institutional Research Journal], 2017, vol. 9, no. 2, pp. 51–68 (In Russian).

3. Rudakov M. N., Shegel'man I. R., Makarihin A. V., Petuhov R. A. Rent for use of forest resources. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo* [Russian business], 2009, no. 6 (vol. 1), pp. 144–149 (In Russian).

4. Yarullin R. R., Putyatinskaya Yu. V. *Diskussionnyy kharakter platezhey za pol'zovaniye lesnymi resursami* [Discussion of payments for the use of forest resources]. Available at: <http://booksc.org/book/36053858/8c37a6> (accessed 15.08.2018).

5. Pochinkov S. V. How much do the wood resources of the forest cost? *Ustoychivoye lesopol'zovaniye* [Sustainable forest management], 2003, no. 2, pp. 8–13 (In Russian).

6. Meshcheryov A. V. Economic relations and institutions of economics. *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic theory], 2016, no. 3, pp. 61–65. Available at: law-journal.ru/files/pdf/201603/201603_61.p (accessed 15.08.2018).

7. Lemeshchenko P. S. From value to institutional utility. *Sbornik nauchnykh statey (Ekonomicheskaya nauka segodnya)* [Collection of scientific articles (Economics today)]. Minsk, BNTU Publ., 2013, vol. 1, pp. 46–67 (In Russian).

8. Chernyavskiy S. V., Chernyavskiy V. S. Absolute rent: interpretation of theoretical views. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2016, no. 3 (35), pp. 53–61. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=27126836> (accessed 15.08.2018).

9. Zaytsev A. A. Diagnosis of rental stability of the agrarian sector. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of A. S. Pushkin Leningrad State University], 2015, vol. 6, no. 1, pp. 5–18. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23887323> (accessed 15.08.2018).

10. Neverov A. V., Shkarubo A. P., Lukashuk N. A., Kireev V. V., Vasil'yeva T. V., Demidovets V. P., Ravino A. V., Neverov D. A., Ermonina I. V., Dubanov V. A., Varapaeva O. A. *Lesnoe upravleniye* [Forest governance]. Minsk, Pachatkovaya shkola Publ., 2014. 400 p.

Информация об авторе

Каштелян Таисия Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры организации производства и экономики недвижимости. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: taisiya_kasht@mail.ru

Information about the author

Kashtelyan Taisiya Vasil'yevna – PhD (Economics), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Production Organization and Real Estate Economics. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: taisiya_kasht@mail.ru

Поступила 22.09.2018